КРИСТИНА ХИМЕНЕС

БИТВА ЗА БИТВОЙ

МИГРАНТЫ ПРОТИВ США

Против течения

Кристина Хименес

Битва за битвой. Мигранты против США

«Алисторус»
2026

УДК 314.74:323.28
ББК 60.73стд1-5:66.4(0)

Хименес К.

Битва за битвой. Мигранты против США / К. Хименес — «Алисторус», 2026 — (Против течения)

ISBN 978-5-00269-298-9

Кристина Хименес - латиноамериканская активистка, на протяжении многих лет боровшаяся против властей США и за права «нелегальных» мигрантов. Сенатор Джон Маккейн называл ее «самым страшным врагом Америки со времен смерти Бен Ладена». Кристина Хименес делала все возможное для реализации так называемого плана «Реконкиста». Этот геополитический план включает в себя возвращение в состав Мексики утраченных в XIX веке территорий — Техаса. Калифорнии. Нью-Мехико и т. д. - через заселение их переселенцами из Латинской Америки. Сама идея «Реконкисты» вызывает ужас у американских ультраправых — расистов, фашистов и русофобов. В этой книге Кристина подробно рассказывает о том. как мигранты из стран Третьего мира едут в США для того, чтобы сокрушить американскую гегемонию. Эта книга описывает удивительные приключения активистов, трудности и опасности их работы. Кристина Хименес активно поддерживает все прогрессивные антиамериканские движения, сотрудничает с властями Кубы, Венесуэлы и Никарагуа, последовательно осуждает любую американскую агрессию. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 314.74:323.28
ББК 60.73стд1-5:66.4(0)

ISBN 978-5-00269-298-9

© Хименес К., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие переводчиков 7
Пролог 8
Глава первая 11
Глава вторая 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Кристина Мартин Хименес
Битва за битвой
Мигранты против США

Всем мигрантам и беженцам в США и по всему миру – эта книга для вас. Я написала эти страницы, чтобы напомнить вам, что вы достойны свободы, безопасности и любви. Куда бы ни привел вас ваш путь, вы имеете право чувствовать себя хозяевами в этом мире. Моему сыну, Итзаэ, ты – мой проводник и мой дом.

© Хименес К., 2026
© Катайцева Э. С., перевод, 2026
© Нигматулин М. В., перевод, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие переводчиков

Перед вами – мемуары женщины, чья жизнь напоминает остросюжетный роман, где политические интриги переплетаются с личной драмой, а борьба за права одних выглядит в глазах других как государственная измена. Знакомьтесь: Кристина Хименес. Если это имя вам ничего не говорит, вы не одиноки – в российском медиапространстве ее фигура до сих пор остается в тени. И, стоит сказать, совершенно напрасно.

Кристина – соосновательница United We Dream, крупнейшей в США молодежной организации, отстаивающей права мигрантов. При словосочетании «промигрантская организация в США» у многих россиян невольно вырисовывается знакомый образ: Демократическая партия, Джордж Сорос (Фонд Сороса признан в России нежелательной организацией), глобализм… Можно с облегчением выдохнуть: это не тот случай. Реальность, как часто бывает, куда сложнее и интереснее. United We Dream и их партнерская организация No More Deaths – это левые, радикальные структуры, чья идеологическая и финансовая близость к кубинским фондам является для американских консерваторов не догадкой, а суровой реальностью. Подробности этого уникального политического альянса вы найдете не только в этой книге, но и в мемуарах Сью Лефевр из No More Deaths.

Их борьба оказалась настолько яркой и значимой, что стала основой для фильма «Битва за битвой» (2025) с Леонардо Ди Каприо в одной из главных ролей. Голливуд, конечно, есть Голливуд, но подлинная история Кристины куда увлекательнее любого блокбастера.

Потому что за фасадом общественной деятельности скрывается непримиримый критик так называемой «мировой закулисы». Бильдербергский клуб, закрытые клубы глобальной элиты – все это для Хименес не конспирологическая сказка, а цель для разоблачения. И здесь мы подходим к самому, пожалуй, парадоксальному для российского читателя повороту. Эта женщина, ведущая борьбу в самом сердце американской империи, – пламенная русофилка. Она не раз называла Россию «последним бастионом противостояния Антихристу». Сильная метафора, не правда ли?

Ее симпатии – не просто слова. Многократные визиты на Кубу «с целью консультаций» привели к тому, что американские правые напрямую обвиняли ее в работе на кубинскую разведку DGI. Впрочем, после прочтения этой книги у вас может сложиться впечатление, что она работала скорее на идею – идею многополярного мира, где у глобального гегемона есть достойные оппоненты.

И в этом контексте особенно важно отметить вклад таких фигур, как Мариэль Кастро, которая, как и Кристина, уделяла мигрантскому вопросу огромное внимание. Так складывается удивительная картина: в рамках современного международного противостояния мигрантские и левые движения в США, вопреки расхожим мнениям, в своей массе оказываются скорее дружественны России и Кубе, нежели враждебны.

Так что эта книга – не просто воспоминания активиста. Это взгляд изнутри на ту Америку, которую у нас часто не знают или не хотят знать. Америку борьбы, идей и странных, на первый взгляд, союзов. Приятного чтения. Возможно, оно заставит вас пересмотреть многие устоявшиеся представления.

Пролог

Мы можем не соглашаться друг с другом и при этом любить друг друга, если только ваше несогласие не основано на моем угнетении и отрицании моего человечества и права на существование.
Джеймс Болдуин

Мой брат Джонатан и я в шутку называем его Халком. Папи, Фаусто Хименес, бывший рестлер, невысокий и мускулистый, с массивными руками и широкой спиной, коричневого цвета кожи, который особенно красиво выглядел под палящим полуденным солнцем в Кито, Эквадор, – в самом центре мира. Он шутник и любитель пасильос, жанра коренной эквадорской музыки. Каждое утро в понедельник он встает в четыре часа, чтобы ехать на свою строительную работу, где проводит всю неделю. Он проезжает около шестидесяти миль от нашей квартиры в Куинсе, Нью-Йорк, до Довера, Нью-Джерси, на своем старом темно-фиолетовом Mitsubishi Eclipse, включая пасильос Хулио Харамилло и Карменситы Лары. Наша семья вряд ли может позволить себе, чтобы Папи ездил туда и обратно каждый день. Не только из-за стоимости бензина и платных дорог, но и из-за риска депортации. Мы находимся в США нелегально, после террористических атак 11 сентября.

Политики используют «войну с терроризмом», чтобы превратить мусульман и иммигрантов с цветной кожей, как граждан США, так и неграждан, в подозреваемых. Мы становимся объектами усиленного полицейского наблюдения, расового профилирования, задержаний, депортаций, насилия и ненависти. В Вашингтоне президент Джордж У. Буш создает Департамент внутренней безопасности (DHS), а в нашем штате политики подхватывают антииммигрантскую риторику и лишают Папи и других нелегальных жителей Нью-Йорка права на водительские права. В такой среде даже простая поездка на работу становится рискованным делом. Но у нас мало вариантов. Найти другую работу нелегальному иммигранту, когда иммигрантов считают угрозой, почти невозможно, поэтому если у тебя есть работа – ты ее сохраняешь. Папи рискует депортацией каждый раз, когда едет на работу, чтобы прокормить нашу семью. Чтобы минимизировать риск, Папи остается на неделе в Довере на диване в четырехкомнатном доме, который он делит с тринадцатью другими нелегальными иммигрантами. Они из Эквадора и Гондураса. Некоторые из них работают в той же строительной компании, строящей жилье для пожилых людей.

Каждую пятницу после работы Папи едет по I-80 на восток к мосту Джорджа Вашингтона, возвращаясь в Элмхерст, Куинс. Он возвращается домой измученный, с силой только снять грязную одежду и поужинать перед сном. В одну из этих пятниц он понимает, что получил неправильную сдачу после оплаты за проезд через мост, поэтому съезжает на обочину, чтобы вернуться к кассе и забрать свои деньги – довольно обычная ситуация, но Папи не заметил полицейскую машину. Мигнули огни, и он услышал четыре слова, способные запустить цепь событий, которая привела к исчезновению родителей без следа: «Пожалуйста, ваши права и регистрация». Папи оцепенел от страха. Он думает: «Вот оно – момент, когда меня депортируют». Его разум возвращается ко всем жертвам нашей семьи, оставленным любимым людям и всему, что мы знали, чтобы приехать в эту страну в поисках лучшей жизни. Руки Папи дрожат, когда он пытается найти свои старые права. Он протягивает их полицейскому, но тот говорит, что нужны действительные права. Папи отвечает, что у него их нет. Полицейский поправляет очки и почти саркастическим тоном говорит Папи, как ребенку: «Разве ты не знаешь, что ездить без действительных прав – противозаконно?» Папи не произносит ни слова. Любое слово или движение может усугубить ситуацию. Полицейский велит ему выйти из машины и сажает его в патрульный автомобиль, оставляя Mitsubishi на обочине. В участке Папи разре-

шают сделать один звонок. Он звонит мне в панике: «Помоги мне, доченька!» – кричит он в отчаянии.

Мы все слышали эти истории; мы знаем риски. Но это происходило на самом деле, и новость ударила меня в живот, словно удар кулаком. Я подумала, что это может быть последний раз, когда Папи в США. Я могу больше никогда его не увидеть. Я была так напугана, что моя рука, держащая телефон, начала неконтролируемо дрожать. Но, слушая его, я глубоко вздохнула и вспомнила, что я не одна. Я быстро взяла себя в руки и напомнила ему, что он имеет право хранить молчание и не подписывать ничего без присутствия адвоката. Я знаю, что местная полиция и иммиграционные агенты запугивают людей (или даже лгут), чтобы заставить их подписать собственную «добровольную» депортацию. «Что бы они ни говорили и как бы ни пытались тебя запугать, не говори и не подписывай ничего», – сказала я ему. Я была в режиме действия, и, говоря с ним на громкой связи, отправляла сообщения организаторам по правам иммигрантов с просьбой помочь срочно прислать адвоката в участок. Хавьер Вальдес из New York Immigration Coalition (NYIC) ответил мне: «Мы с вами». Он уверял, что наша община сделает все возможное, чтобы Папи освободили до того, как NYPD привлечет иммиграционных агентов и станет слишком поздно. Мы с Хавьером знали, что каждая секунда важна.

Я слышу, как Папи пытается общаться с полицейским на своем ломаном английском, поэтому прошу его соединить меня с офицером. «Меня зовут Кристина Хименес, я его дочь», – говорю я. Я озвучиваю права Папи и сообщаю, что адвокат уже в пути. Один из наших друзей семьи, гражданин США, который говорит по-английски (и у которого есть машина – редкость для жителей Нью-Йорка), тоже направляется помочь Папи. Едва адвокат успел добраться до участка, как полицейский отпустил Папи, когда наш друг семьи приехал. «Просто идите», – сказал он и передал штраф на 180 долларов за вождение без прав. Я никогда не узнаю, что думал полицейский, решив отпустить Папи. Но я точно знаю, что сообщество друзей и организаторов по правам иммигрантов, которое я привлекла в этот момент, защитило моего отца и нашу семью от угрозы депортации и ужасающей возможности больше его не увидеть. Это то, что мы делаем.

Я не всегда была молодой иммигранткой со смелостью противостоять полиции и бороться с депортацией. Я росла в страхе и стыде – стыде за темный цвет кожи, свои коренные черты и бедность в семье, которая едва сводила концы с концами. Не поймите меня неправильно – я гордилась жертвами и смелостью родителей, которые оставили все ради лучшей жизни в США. Но как только мы оказались здесь, я страдала от одиночества и стыда за свой акцент и нелегальный статус. Мы были семьей, которая ходила по тонкому льду, в постоянном страхе сделать малейшую ошибку, которая могла привести к расовому профилированию, депортации и разрушению семьи бессердечным и бессмысленным переплетением иммиграционных законов и расизма. Я нашла свой голос и силу, когда встретила сообщество нелегальных молодежных активистов и организаторов по правам иммигрантов, которые борются, чтобы остановить депортации и помочь нелегальным иммигрантам отстаивать свои права и достоинство. В этом сообществе я узнала, как обычные люди, пострадавшие от несправедливости, могут объединяться, действовать сообща и создавать изменения. Я была нелегальной иммигранткой, но перестала бояться. Dreaming of Home рассказывает об этом пути трансформации.

Как и поколения иммигрантов до нас, моя семья приехала в эту страну, мечтая об обещаниях Америки – американской мечте. Мы построили новую жизнь здесь и стали частью ткани этой нации. Но как нелегальные иммигранты мы жили «наполовину», постоянно находясь под угрозой, лишенные достоинства и свободы, заставленные чувствовать себя нежеланными и ненавидимыми в стране, которую называем домом. Тем не менее это не единственная Америка, которую мне удалось узнать. Повзрослев и создав жизнь в организациях социального правосудия, я встретила обычных американцев, как иммигрантов, так и неиммигрантов, которые выступают против несправедливости, толкая страну к ее идеалам свободы, справедливо-

сти и равенства для всех. Именно эти американцы остановили депортацию моего возлюбленного Уолтера и сделали возможной историю нашей семьи. Это та Америка, которая дает мне надежду и уверенность, что вместе мы можем построить страну, где вы и я – все мы, независимо от происхождения, расы, этничности, класса, пола, веры и иммиграционного статуса, – можем принадлежать, жить свободно и процветать.

Глава первая
Дом

Никто не покидает свой дом, если только дом не пасть акулы.
Варсан Шир

У нас не так много, но у нас есть изобилие любви. Я – старшая, за мной идет моя младшая сестра Эстефания. Мои родители усердно работают, чтобы обеспечить нашу семью. Папи, Фаусто, работает охранником в банке, а мами, Лигия, трудится портнихой и заботится обо мне и Эстефании дома. Мами готовит, убирает и как-то умудряется шить платья и костюмы для своих клиентов. Как и семьи вокруг нас, мои родители зарабатывают ровно столько, чтобы платить за аренду, еду и мою школу, – и больше ничего.

Мы живем в доходном доме на Авениде Бразил в северной части Кито, Эквадор. Наш район плотно застроен одноэтажными домами и доходными домами, перемежающимися заброшенными коммерческими помещениями. В доме, где мы живем, есть две квартиры с собственными ванными комнатами и одна общая ванная для пяти семей, арендующих маленькие квартиры. Как и многие дома вокруг, наш полуразрушенный дом никогда не был достроен; его белые бетонные стены заляпаны серым цементом, из-за чего они выглядят так, будто им пятьсот лет. Мы живем под наблюдением хозяйки, сеньоры Марселы, которая живет в отдельном новом трехэтажном доме с ярко-лососевыми стенами и большими окнами, из которых она подсматривает за каждым нашим шагом. Когда более одного жильца одновременно стирают вещи во дворе, сеньора Марсела перекрывает воду. Я так боюсь ее, что каждый раз, проходя мимо ее дома, смотрю в свои туфли.

Наша маленькая квартира состоит из одной спальни, гостиной и небольшой кухни с недостроенным бетонным полом. Все четверо спим в спальне. Мы втиснули туда две кровати и деревянную кроватку Эстефании, оставив лишь достаточно места, чтобы пройти между кроватями боком. Деревянные полы в гостиной и спальне отполированы так, что я всегда вижу свое отражение. Так нравится Мами. Она не может изменить многие вещи – перебои с электричеством, злобную хозяйку, невозможность устроиться на работу в ателье, потому что ей нужно заботиться о двух дочерях, – но она может сделать так, чтобы наш дом всегда был чистым. «Ser pobre no es motivo para ser sucio» (Быть бедным – не повод быть грязным), – говорит она, тщательно вымывая пол и чистя столешницы. Со своим маленьким, но сильным телом, Мами сама передвигает две кровати, диван и большой деревянный шкаф в гостиной, чтобы убедиться, что каждый угол пола блестит, как новая машина.

И пока Мами поддерживает нашу маленькую квартиру в идеальной чистоте, места за пределами нашей двери постоянно напоминают нам о нашем положении в жизни. Мы делим общую ванную на верхнем этаже одного из дворов с четырьмя другими семьями, но Мами настаивает, чтобы мы ее не использовали. Я согласна. Унитаз не смывает, раковина не имеет проточной воды, а вся комната пахнет так, словно сотни людей писали прямо на пол. Каждый раз, проходя мимо, мне становится почти тошно. Но опасности не только санитарные; Мами также держит нас подальше от общей ванной, чтобы защитить от вьехос – странных стариков, которые просто висят вокруг ванных и во дворах, наблюдая за мной и другими девочками из доходного дома, особенно когда мы носим шорты или юбки. Мы всегда стараемся убежать.

Поскольку у нас нет настоящей ванной, наша семья использует красные пластиковые горшки и купается в большой зеленой пластиковой емкости на кухне. Мне стыдно, когда я понимаю, что ни один из моих школьных друзей дома не пользуется пластиковыми горшками. Когда мои друзья говорят о том, что ходят друг к другу домой, чтобы вместе делать школьные

проекты, я просто молчу и соглашаюсь, никогда не приглашая их к себе. Жизнь нелегка, но мы справляемся, и, даже будучи маленькой девочкой, я понимаю, что у некоторых людей гораздо хуже, поэтому я благодарна за все, что у нас есть.

Папи вырос бездомным после того, как его мать, моя бабушка Хулия, сбежала от мужа и брака, оставив детей, когда Папи было всего четыре года. В детстве он продавал конфеты и газеты и просил еду у ресторанов. Иногда ему везло и он получал остатки еды, но многие дни он оставался голодным. Он жил на улицах Кито, пока друг семьи не отвел его и его брата в приют для бездомных детей. Бабушка Хулия воссоединилась с ними, когда Папи исполнилось тринадцать, и в конце концов переехала в однокомнатную квартиру, которая сейчас наш дом. Каждый раз, когда мне стыдно за место, где мы живем, я напоминаю себе, что у нашей семьи хотя бы есть крыша над головой и еда. Тем не менее я мечтаю когда-нибудь иметь собственную ванную.

Когда я думаю о своем детстве в Кито, у меня остаются яркие воспоминания о солнечных утрах и холодных дождливых днях, когда шитье Мами прерывается соседкой, сеньорой Марией, которая продает фрукты и овощи на улице, крича: «Vecinas! Llueve! La ropa!» (Соседки! Дождь! Одежда!)

«Сеньора Мария кричит, как будто она на рынке!» – жалуется Мами, но сеньора Мария, безусловно, надежна! Она замужем за одним из вьехос в доме, у них трое подростков и старая серая собака Руфо, которая писает повсюду. Услышав тревогу сеньоры Марии, Мами и все женщины в доме бегут во двор, чтобы забрать чистое белье с веревки. Я слышу, как женщины смеются, щелкают деревянные и пластиковые прищепки, лают собаки, а затем слышно только шипение дождя.

По вечерам Мами превращает нашу гостиную в мастерскую портнихи. Пока Эстефания спит в кроватке, Мами расставляет швейную машину Singer и гладильную доску между диваном и большим деревянным шкафом, где мы храним посуду. Я люблю быть помощницей Мами. Однажды днем она просит меня найти пластиковый контейнер, где она хранит пуговицы. Я встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до дна высокой пластиковой емкости с инструментами. Контейнер розового цвета и выглядит как маленький шкаф с квадратными отделениями, где пуговицы рассортированы по цвету и размеру. Но вместо того, чтобы взять его, я замечаю коричневую книгу с золотой отделкой по краям. Книга тяжела в моих руках, выглядит официально и красиво, но одновременно драгоценно, как будто с ней нужно обращаться осторожно, – не слишком отличается от Библий, которые священники аккуратно держат в главном католическом соборе Кито, La Catedral. Я провожу пальцем по позолоченному краю и смотрю на Мами, открывая книгу, и вижу, что она полна красивых рисунков. Я пролистываю ее, останавливаясь, чтобы полюбоваться эскизами изящных бюстгальтеров, нижнего белья и платьев высокой моды. «Чья это книга, Мами?» – спрашиваю я.

«О, это моя. Это проект, над которым я работала, чтобы окончить школу шитья», – объясняет она.

Я поражена, что Мами создала такие красивые вещи, как на моделях и знаменитостях на телевидении. «Ты талантливая дизайнер, Мами!» – говорю я с гордостью и широкой улыбкой. Мами не говорит ни слова. Она просто смотрит вниз, обводя желтым мелком черный шелк для платья, которое шьет для клиента. Но пока я сижу на полу, вдохновленная этой святой книгой, полной творчества моей мамы, настроение в комнате меняется. Я не понимаю, почему Мами не так рада, как я. «Почему ты не продолжила рисовать эти красивые платья?» – спрашиваю я.

«No me gusta coser» (Мне не нравится шить), – вздыхает она. Тем не менее шитье – это то, чем она занимается почти каждый день, чтобы поддержать семью. «Я очень хотела пойти в колледж, чтобы стать учителем истории, но не смогла», – объясняет Мами. Бабушка Эстер, которая потеряла мужа и сама воспитывала детей, не имела достаточно денег, чтобы оплатить обучение всех тринадцати детей, и культурно предпочтение отдавалось мужчинам. Когда Мами

было двенадцать, бабушка сказала ей, что женщины должны освоить oficio – ремесло. У нее было два варианта: шитье или парикмахерское дело. Мами сначала выбрала шитье, а затем решила пойти в школу косметологии, став парикмахером и работая в салоне красоты до моего рождения. Когда Мами окончила шестой класс, бабушка Эстер устроила ее работать у местной портнихи. «Твоя бабушка сделала все, что могла», – говорит Мами хрупким голосом. Ее взгляд сосредоточен на черном шелке. Мне становится грустно. Я думаю, как бы сложилась жизнь Мами, если бы она имела возможность продолжить обучение. Интересно, какой учительницей истории она могла бы стать и во что могло превратиться талантливое творчество этих страниц, если бы его развивали.

Мами прерывает тишину. «Mija, tienes que estudiar. Tienes que llegar a la universidad y ser una profesional. La educación te dará una mejor vida. No quieres terminar como yo» (Доченька, ты должна учиться. Ты должна попасть в университет и стать профессионалом. Образование даст тебе лучшую жизнь. Ты не хочешь закончить так же, как я), – говорит она мне. Она во многом права. Я не хочу оказаться в доходном доме без ванной и проточной воды. Но она моя мама, и когда я вижу ее смелость и стойкость, слышу ее смех и ощущаю ее любовь и кулинарию, я понимаю, кем хочу стать, когда вырасту. Когда Мами говорит это, я понимаю, почему она так настойчива в отношении моего успеха в школе. Я понимаю, почему она рвет страницы из моей тетради, если считает, что мой почерк недостаточно разборчивый, почему она заставляет меня делать домашнее задание даже когда электричество отключается и я едва вижу, и почему она сидит со мной по ночам, готовясь к экзаменам по обществознанию. Эти экзамены требуют, чтобы я выучила всех ключевых лидеров и даты Империи Инков. (Более чем через двадцать лет я все еще помню их имена – например, Пачакути, правителя королевства Куско, и его сына Тупака Юпанки, который в 1463 году расширил империю на север вдоль Анд через Эквадор.) Мами не может изменить прошлое, но она решительно настроена формировать наше будущее.

Только когда я заканчиваю домашнее задание, Мами позволяет нам смотреть телевизор. Когда Эстефания подрастает и мы можем больше играть вместе, мы превращаем нашу маленькую гостиную в воображаемую телевизионную студию. Как большинство детей в Эквадоре в конце 80-х и начале 90-х, мы с сестрой являемся преданными поклонницами Зуксы и шоу Юли. Зукса родом из Бразилии, а Юли – из Перу, но живет в Эквадоре. Они воплощение красоты в глазах страны: белые, высокие, блондинистые. Совсем другой контраст с нашими короткими ногами, черными волосами и коричневой кожей. Мы зачарованы ими и хотим быть как они – мечта, которую транслируют по телевизору в стране, где большинство людей никогда не сможет ее достичь. Юли записывает свое шоу с живой аудиторией из сотен детей. Юли и ее «Юлиетс», группа танцоров, исполняют музыкальные номера и танцы, а также проводят игры с детьми на съемочной площадке. Наряды Юли становятся модным трендом среди девочек в Эквадоре. Она носит высокие аэробные кроссовки Reebok с мини-юбками или леггинсами и яркие повязки на голову с хвостиком. Мы ни одна не можем позволить себе Reebok, но стараемся копировать образы как можно лучше.

Некоторые дни после обеда, когда Мами не шьет, мы идем двумя кварталами к бабушке Эстер, чтобы играть с нашими кузенами. Нас десять – Эстефания, Хорхито, я, Анита, Клаудия, Андрес, Паблито, Габи, Ванеса и Даниэль, возраст от четырех до пятнадцати лет. Эти дни были очень веселыми! Мы все каким-то образом вмещались на скрипучую кровать бабушки, чтобы смотреть наш любимый мультсериал Thunder Cats. Вместе мы строим космический корабль, как у Thunder Cats, из тканей и старых деревянных панелей, которые бабушка Эстер хранит на террасе. Пока мы играем, бабушка Эстер готовит sopa de fideo (суп с лапшой), идеальное горячее блюдо для холодных горных вечеров Кито. Когда мы уставали от беготни, мы собирались на кухне с нашими мамами – тетями Нели и Сусаной, которые являются сестрами мужа; тетя Фани, старшая сестра; Мами; тетя Сарита; и тетя Марианита, самая младшая из сестер. Нас около двадцати, плотно сидящих за длинным деревянным столом. Мы выглядели как поми-

доры на рынке, тесно упакованные в маленькие коробки, но в эти моменты мы не могли быть счастливее. Бабушка Эстер разливала большие миски горячего супа для всех. Воздух наполнялся вкусным запахом лука и кинзы. Теплая, мягкая паста и картофель почти таяли во рту.

Эти веселые дни игр и sopa de fideo у бабушки Эстер вскоре становятся частью прошлого. Наша семья растет. Мы переезжаем дальше от дома бабушки Эстер в более просторную квартиру с не одной, а ДВУМЯ полноценными ванными! Новая квартира находится дальше от центра города и принадлежит другу нашей семьи, который соглашается сдать ее нам по доступной цене. Вскоре, когда мне десять лет, у нас появляется младший брат, Джонатан. Он – маленький комочек радости, который делает всех счастливее. Я гордая старшая сестра.

Но радость от появления брата омрачается ужасной переменой в здоровье моей шестилетней сестры. У Эстефании появляется сильная боль в груди, и я вижу заметную опухоль, которая явно растет. Я аккуратно провожу по ней пальцем, и Мами отталкивает мою руку. Наш семейный распорядок прерывается поездками в клинику для множества анализов – анализов, которые мы, конечно, не можем себе позволить. В один день Папи, Мами и Эстефания идут вместе к врачам, а я остаюсь дома, заботясь о Джонатане, которому всего несколько месяцев. До этого все пытались сохранять позитивный настрой, но в этот раз, когда они возвращаются домой с опухшими глазами, я понимаю, что новости плохие. Эстефании диагностирована саркома Юинга, редкая злокачественная опухоль, чаще встречающаяся у детей. Ей необходимо немедленно начать лечение химиотерапией. «Tenemos que mantener la fe y orar. La esperanza es lo último que se pierde» (Нам нужно сохранять веру и молиться. Надежда – последнее, что теряется), – говорит мне Мами. Я держусь за ее слова, сохраняя веру и надежду, как за спасательный круг посреди шторма в океане.

Эстефания и Мами уезжают в больницу на несколько недель на химиотерапию. В это время старшая сестра Папи, тетя Бланкита, присматривает за моим младшим братом, иногда это делаю и я. Вся наша расширенная семья организует график с различными сменами, чтобы Эстефания никогда не оставалась одна в больнице и чтобы родители получали хоть какую-то поддержку. Каждый раз, когда Мами возвращается домой, она выглядит измотанной и с каждым днем слабее. Она становится менее разговорчивой, а ее привычный позитивный настрой, с которым она поддерживала чистоту в квартире, смещается в постоянные слезы во время готовки и уборки. Перед сном она просит меня присоединиться к ней в молитве. Мы молимся вместе, как будто целую вечность.

Однажды я прихожу домой из школы и вижу, что Эстефания ждет меня у окна. Ее густые черные волосы, которые Мами раньше завязывала яркими заколками, исчезли, а ее яркая коричневая кожа выглядит почти серой и очень бледной. Я шокирована этим зрелищем, но она просто так счастлива быть дома и машет мне, улыбаясь от уха до уха. Я вижу ее милые ямочки. «Я так рада тебя видеть! Добро пожаловать домой!» Мне всего десять, но я стараюсь изо всех сил показать любовь и радость, сдерживая слезы, мягко обнимая ее хрупкое тело. В течение последующих тринадцати месяцев моя храбрая маленькая сестра борется изо всех сил. Но в конечном итоге рак побеждает, и он потрясает нашу семью. Эстефания умирает дома в мае 1996 года. Перед тем как уйти, я крепко держу ее маленькую руку. На ней кислородная маска, и она больше не может говорить. «Я буду скучать по тебе, сестричка. Я люблю тебя», – говорю я, всхлипывая. Она смотрит прямо в мои глаза, и слеза скатывается по ее правой щеке. Я понимаю, что это ее способ сказать: «Я тоже тебя люблю», и наша связь переходит в вечное духовное соединение, которое я сохраняю до сих пор.

Мами говорит мне, что когда наши любимые уходят, их освобождают от боли и страданий, которые они испытывали на этой земле. Она плачет каждое утро, молясь вслух. Я скорблю в тишине, плача в укрытии. Будучи старшим ребенком, я беру на себя неформальную ответственность, чтобы не усложнять жизнь Мами и всем вокруг. Я измучена глубоким чувством стыда и вины. Я сожалею обо всех случаях, когда не позволяла сестре держать или спать с

моей любимой мягкой игрушкой – средним плюшевым хаски. На поминках я стою у ее гроба и прошу прощения. Перед тем как идти на кладбище, я прошу Мами положить плюшевого хаски внутрь гроба. Это мой последний подарок ей.

Мы едва переживаем потерю сестры, как публичный кризис сталкивается с нашим личным. В августе 1996 года, через три месяца после смерти сестры, вновь избранный президент Абдала́ Букарам вводит новую политику, которая обостряет и без того сложное экономическое положение большинства эквадорцев. Букарам, прозванный «El Loco» (Сумасшедший), бизнесмен и политик из популистской партии, обещает правительство для народа, а не для богатых, но делает ровно наоборот. В первые шесть месяцев своего правления он вводит неолиберальную политику, к которой правительства по всей Центральной и Южной Америке вынуждаются США.

Администрация Букарама приступает к приватизации системы социального обеспечения и телекоммуникаций, замораживает минимальную заработную плату и отменяет государственные субсидии на коммунальные услуги. Эти меры вызывают масштабные изменения в экономике, приводя к огромной прибыли для олигархов и американских транснациональных компаний и сокращению услуг для бедных, что кажется, будто ударяет по нам со всех сторон. Семьи, как наша, не могут оплачивать аренду и коммунальные услуги или позволить себе базовые потребности, такие как еда, вода и общественный транспорт. У Мами нет денег на яйца, растительное масло и другие продукты первой необходимости. Я слышу, как мои родители разговаривают. «Я чувствую себя беспомощной», – говорит Мами.

Страна сталкивалась с политическими и экономическими трудностями еще до избрания Букарама. В 1960-х годах США поддерживали военные перевороты по всей Латинской Америке, чтобы остановить растущую силу движения коренного населения и крестьян, борющихся за права рабочих и земельные реформы. В Эквадоре США поддержали военный переворот, чтобы свергнуть демократически избранного президента Карлоса Хулио Аросемена в 1963 году. Военные режимы, которые правили страной следующие шестнадцать лет, проводили экономическую политику «свободного рынка», требуемую их американскими покровителями, что еще больше усугубляло экономическое неравенство. Влияние США продолжалось и в последующих правительствах 80-х и 90-х годов, влияя на политику, благоприятную приватизации социальной инфраструктуры, и продвигая корпоративные и американские интересы, извлекая прибыль из нефтедобычи и экспорта Эквадора. К концу 1990-х почти половина населения жила ниже черты бедности.

В ответ на политику Букарама происходят массовые протесты и национальная забастовка с требованием его отставки. Более двух миллионов эквадорцев выходят на улицы, преимущественно в крупных городах. Страна погружается в хаос. В Кито происходят насильственные столкновения между полицией и протестующими возле правительственных зданий. Школы закрываются, вводится военное положение, чтобы люди не могли выходить на работу или покидать дома. Изображения по телевизору: протестующие, обрызганные перцовым спреем, горящие шины, дым, перекрывающий движение на улицах, – навсегда останутся в моей памяти. Мы смотрим новости в страхе. Мои родители уверяют нас, что мы в безопасности, но я вижу неуверенность в их глазах. Люди побеждают, и Букарам свергнут. Политические партии и военные борются за контроль над правительством, и за семь дней у Эквадора появляется три разных президента. Жизнь нашей семьи никогда не будет прежней. Экономическая и политическая нестабильность приводит к массовым увольнениям. Тысячи людей теряют работу, включая Папи. В отчаянии он устраивается водителем грузовика, перевозя розы за менее чем половину того, что зарабатывал раньше. Мами шьет льняные скатерти и салфетки и обходит район, останавливаясь у каждого ресторана, чтобы их продать. Вскоре мы не можем позволить себе аренду или оплату моей школы. Наши порции еды становятся меньше.

Образование всегда было главным приоритетом моих родителей, и они делают все возможное, чтобы оплатить обучение. Но по мере того как экономическая ситуация вокруг становится все сложнее, даже это становится невозможным. В школе меня стыдят за то, что я не могу оплатить обучение. Однажды монахиня из финансового отдела в длинной белой робе и с черной вуалью приходит в мой класс. Она называет мое имя и имена еще нескольких учеников и громко заявляет, что мы не можем вернуться в школу, пока наши родители не оплатят обучение. Все остальные девочки молча наблюдают, как мы встаем, а эта женщина, которая должна была представлять Иисуса Христа, без зазрения совести позорит группу детей за то, что они бедные, и угрожает выдворением. До этого момента я не знала, что мои родители задерживают оплату за обучение. Когда я выхожу из класса, слова Мами о том, что образование – единственный путь к лучшей жизни, преследуют меня. Я чувствую, как стены самого страшного кошмара моих родителей смыкаются вокруг меня, а маленький огонек надежды на образование гаснет.

После душераздирающей потери сестры и жестокой реальности того, что родители больше не могут обеспечивать своих детей в Эквадоре, мои родители теряют надежду и приходят в отчаяние. Всю жизнь они видели по телевизору и слышали, что Соединенные Штаты – это страна, где каждый, независимо от того, откуда он пришел, может обеспечить семью и реализовать свои мечты. Но покинуть Эквадор в поисках лучшей жизни в другой стране – не выбор, который рассматривают мои родители. Они сопротивляются идее расставания с домом, семьями и близкими. Когда я была ребенком, я представляла, что если люди живут в месте, где все так тяжело, не слишком сложно поверить, что где-то может быть лучше. Скорбь и неизвестная опасность отъезда кажутся менее страшными, чем гарантированное страдание от того, чтобы остаться дома.

Глава вторая
Путешествие

Любовь не знает границ.
Неизвестный

Папи посетил США в 1980 году. Ему было двадцать пять лет, он был неженат и работал полный рабочий день на заводе по производству автомобилей. Он всегда мечтал посетить Нью-Йорк. Его друзья, жившие в Бруклине, уговорили его приехать и предложили приют. Чтобы получить туристическую визу, заявители должны предоставить доказательства цели поездки, способности оплатить все расходы и намерение покинуть США после визита. Большинство людей, получающих туристические визы, принадлежат к среднему или высшему классу. Папи знал, что человеку, как он, будет трудно получить визу, но решил попытаться. Он сделал все возможное, чтобы представить себя достойным поездки в США. В своем заявлении он указал сведения об образовании, истории работы и финансовом состоянии, а в день интервью в посольстве США он даже принес все награды, которые получил на турнирах по борьбе в Эквадоре и других странах Латинской Америки. К счастью, его виза была одобрена, и он на несколько недель поехал в Нью-Йорк на рождественские каникулы, чтобы увидеть знаменитый город, который он раньше видел только в фильмах.

Его очаровала разнообразная культура и афроамериканская культура Флатбуша, где он остановился у друзей. Район был полон вкусной еды, громкой музыки на языках, которых он не понимал, и иммигрантов с Карибов, из Латинской Америки и различных африканских стран. Его поражал город – метро, Центральный парк, Таймс-сквер, мегамагазины и небоскребы. Он гордо рассказывал о богатстве города, хвастался, что купил джинсы для всей семьи по весу и подарил Мами, которая тогда была его девушкой, ее первую пуховку. Он вернулся в Эквадор с мечтой о том, что когда-нибудь привезет свою семью в яркий Нью-Йорк.

Во время визита он узнал истории многих иммигрантов, которые покинули родной дом в поисках лучшей жизни в США. Он понял, что не все имеют возможность улететь в США. Иммигранты, с которыми он встречался, бежали от насилия, политических беспорядков и бедности или еще худших ситуаций, рискуя жизнью, пересекая несколько границ незаконно; многие из них сталкивались с изнасилованиями, насилием со стороны наркокартелей и похищениями. Некоторые теряли своих близких во время пути.

Но миграция в США была не всегда такой трудной. США впервые установили визовые требования в 1924 году через расистский Закон Джонсона-Рида. Он отдавал приоритет визам для людей из северной и западной Европы, считавшихся «лучшей» расой на основании евгеники. Чтобы обеспечить преимущественно белое население США, закон ограничивал число «нежелательных» иммигрантов из Южной и Восточной Европы, Африки и Ближнего Востока и запрещал всех азиатских иммигрантов. По сути, если вы были евреем, католиком или человеком другого цвета кожи, путь в США становился более трудным. Китайских иммигрантов первоначально не пускали, когда Конгресс принял Закон о китайской иммиграции 1882 года. Закон Джонсона-Рида также создал Пограничную службу США – «ловцов людей», смоделированную по примеру Техасских рейнджеров и «патрулей рабов», терроризировавших и возвращавших чернокожих в рабство, для патрулирования границы США с Мексикой.

До 1924 года людям даже не нужен был паспорт, виза или грин-карта для въезда в США. Ограничений и квот не было. На самом деле это было довольно просто. Большинство иммигрантов, прибывающих на Эллис-Айленд и другие крупные порты, проходили краткий досмотр, их имена записывались – и на этом все. Десятилетиями США поддерживали под-

ход, который сегодня называли бы «открытыми границами». Принятие Закона Джонсона-Рида стало результатом реакции на массовую миграцию из некоторых азиатских стран, но в основном из Италии, Греции, России и Венгрии (некоторые из их потомков сегодня размахивают флагами MAKE AMERICA GREAT AGAIN и держат плакаты MASS DEPORTATION NOW).

Между 1890 и 1924 годами дебаты об иммиграции в стране сосредоточились на двух ключевых моментах: конкуренции за рабочие места и евгенических теориях. Аргументы против новоприбывших преобладали у лидеров мейнстримной политики и профсоюзов, таких как сенатор-республиканец из Массачусетса Генри Кабот Лодж, представитель от Вашингтона Альберт Джонсон, активный член Ку-клукс-клана, и Самуэль Гомперс, президент Американской федерации труда (AFL), а также ученые и сторонники евгеники, которые утверждали, что англосаксы из Англии превосходят других. Основываясь на расизме и росте нативизма, политика 1924 года была направлена на иммигрантов, которых считали «менее белыми», включая еврейских иммигрантов, ищущих убежища от нацистов, и католических иммигрантов.

Люди, мигрировавшие в США до Первой мировой войны, просто появлялись в порту въезда и проходили. Но почти через семьдесят пять лет после Закона Джонсона-Рида иммигранты должны соответствовать требованиям одного из следующих путей: (а) спонсорство по работе на основании конкретных условий и профессиональных навыков; (б) семейное спонсорство, которое в зависимости от страны происхождения и категории семьи может занимать более двадцати лет; (в) временные визы для целей с ограничением по времени, такие как студенческие или туристические; или (г) гуманитарная необходимость, например запрос на статус беженца или убежище.

Этот новый подход к иммиграции был установлен Законом Харта-Селлера 1965 года, который отменил расистские квоты прошлого и вместо этого ограничивал иммиграцию на основе семейных связей и профессиональных навыков. Закон поддерживали иммигранты второго поколения из Восточной и Южной Европы, особенно еврейского и католического происхождения, которые выступали за прекращение дискриминационных квот и за упрощение пути для своих семей. Закон считался крупной прогрессивной победой, но с принятием Закона Харта-Селлера система иммиграции впервые ввела ограничения на количество людей, которые могли мигрировать из Мексики, Карибского региона и Латинской Америки, а также общие лимиты на число мигрантов. Иногда я думаю, как бы выглядело законодательство, если бы в комнате, где принимались решения, были люди вроде меня.

Политика ограничивала въезд до 290 000 человек в год, не более 20 000 из одной страны. Квоты, конечно, никак не учитывали реальность жизни вдоль границы США и Мексики или глубокие связи между США и странами на юге. В 1960-х годах иммиграция только из Мексики составляла примерно в среднем 200 000 работников в год в рамках программы «Брасеро», поэтому новые квоты сделали тысячи мексиканских рабочих «нелегальными иммигрантами». Закон создавал долгие периоды ожидания для людей из стран с высоким числом иммигрантов, желающих воссоединиться с родственниками в США. Страны, такие как Мексика и Индия, быстро достигают лимита виз каждый год, и время ожидания для семей из этих стран составляет от десяти до тридцати лет, даже если спонсор семьи является гражданином США. Между тем иммигранты из многих европейских стран обычно не ждут для воссоединения с семьей. Это законодательная версия принципа: «Мы получили свое; теперь вы оставайтесь снаружи».

Когда иммигранты или беженцы не могут въехать в страну через семейные связи, работу или гуманитарные причины, реалистично, что единственная альтернатива – въехать и остаться в США незаконно. Большинство людей, бегущих от бедности, преследований, климатических катастроф и насилия, не имеют другого выбора, кроме как совершить долгий и опасный путь через сушу и моря, чтобы добраться до границы США и Мексики. В 2021 году, в ответ на растущее число людей из Центральной Америки, Гаити и других карибских стран, ищущих убежище, вице-президент Камала Харрис, первая черная женщина и дочь иммигрантов, став-

шая вице-президентом США, провела пресс-конференцию в Гватемале и сказала людям: «Не приезжайте. Не приезжайте». Как будто у людей, бегущих от насилия картелей и глубокой бедности, есть выбор. Ее заявление было абсолютно оторвано от человеческой реальности и факторов, заставляющих людей покидать свои дома. Эта риторика стыдит и криминализирует людей за попытку найти убежище, одновременно прикрывая роль США в создании условий, вынуждающих людей мигрировать.

Вмешательство США, а также экономическая и торговая политика часто становятся причинами миграции в Латинской Америке и Карибском регионе. Например, США вторглись на Гаити в 1915 году и оккупировали страну на девятнадцать лет, казнили гаитян, выступавших против оккупации, изымали природные ресурсы в интересах США и переписывали законы страны, чтобы иностранцы могли покупать землю. Смекдли Батлер, бывший генерал корпуса морской пехоты США и командующий американскими войсками на Гаити, писал в 1935 году: «Я помог сделать Гаити и Кубу достойными местами, где ребята из National City Bank могли собирать доходы. Я участвовал в насилии над половиной Центральноамериканских республик ради выгоды Уолл-стрита». Оккупация США на Гаити закончилась в 1934 году, но ее наследие включает коррупцию, политическую нестабильность, разрушающуюся инфраструктуру и бедность, которые усугубляются природными катастрофами.

Становится все очевиднее, что изменение климата также является доминирующим фактором, вынуждающим людей покидать свои дома. И США несут значительную ответственность как один из крупнейших в мире источников глобальных климатических изменений. Только в 2020 году Центральная Америка пострадала от тридцати циклонов, уничтоживших целые регионы. В Гондурасе ураганы Эта и Иота оставили более 250 000 человек без воды, электричества и медицинской помощи. Целые деревни были разрушены. В Гватемале ураганы заставили коренные семьи, чьи земли были разрушены, бежать. Альба Хуарес Мендес покинула свою деревню Сочель в провинции Сан-Маркос, где выращивала картофель, бобы и кукурузу. После ураганов деревня лишилась доступа к чистой воде. Она рискнула идти пешком и автостопом с двухлетней дочерью Ярели, чтобы просить убежища в США и воссоединиться с дядей в Теннесси. Когда они добрались до Сьюдад-Хуарес в Мексике, власти не пустили их на американскую сторону границы и сказали, что в любом из восемнадцати приютов в регионе для них нет места.

На протяжении истории нашей страны иммигранты в отчаянных ситуациях находили альтернативные способы въезда в США. Иммигранты, такие как еврейский композитор Ирвинг Берлин и его семья, – бегущие из царской России и погромов, которые уничтожили их деревню, – использовали поддельные паспорта для въезда в США. Деверь Дональда Трампа Джаред Кушнер родом из семьи, которая незаконно пересекала несколько европейских границ, лгала о стране происхождения и подделывала спонсора в США, чтобы обойти визовые ограничения в 1930-х. После Второй мировой войны родители Аллана Герсона, международного юриста, признанного первым американским адвокатом, успешно подавшим в суд на иностранное правительство за соучастие в терроризме, купили фамилию другой семьи на черном рынке и добрались до Нью-Йорка в декабре 1950 года, отчаянно спасаясь от условий лагерей для беженцев и антисемитизма после Холокоста. Есть миллионы историй американцев, чьи семьи въехали в страну незаконно. На PBS в серии «Finding Your Roots» знаменитости часто узнают шокирующие факты об иммиграционной истории своих семей. В одном из эпизодов бывшая ведущая CBS Evening News Нора О'Доннелл выяснила, что ее ирландский дедушка был без документов и въехал в страну, незаконно перейдя канадскую границу в 1924 году.

Главное отличие между тогда и сейчас в том, что нынешние иммиграционные законы США криминализируют иммигрантов, бегущих от бедности, климатических кризисов, насилия со стороны государства и преследований. Сегодня иммигрантов и беженцев, большинство из которых – люди другого цвета кожи, задерживают на границе, арестовывают, заключают в

тюрьму, разлучают с семьями, депортируют или даже убивают в центрах содержания под стражей. В 2018 году Трамп безжалостно разлучил более пяти тысяч детей-беженцев с их родителями на границе США и Мексики и помещал детей в настоящие клетки. При администрации Джо Байдена в 2021 году агенты Пограничной службы США на лошадях жестоко блокировали вход гаитянских беженцев в США, выталкивая их обратно в Мексику и лишая права на подачу на убежище.

В резком контрасте европейские иммигранты, которые въезжали в страну незаконно или были без документов в девятнадцатом и начале двадцатого века, были защищены от депортации и получили амнистию. Эти иммигранты, преимущественно белые, могли работать и не сталкивались с ограничениями на получение государственных пособий, таких как пособие по безработице и денежная помощь. На самом деле найм незаконного работника стал противозаконным только в 1986 году, а меры, позволяющие депортировать родителей граждан США и ограничения на государственные пособия, были введены в 1970-х годах. Однако лицемерно, что многие белые политики утверждали, что их предки приехали в США «легально» или «правильным путем», одновременно меняя правила так, чтобы последующим поколениям иммигрантов сделать это все труднее и труднее.

Несмотря ни на что и несмотря на опасные риски, мигранты и беженцы делают то, что сделала бы я или любой другой человек ради любви. Любви к своим семьям. Любви к жизни. Покинуть свою страну, семью и дом – это часто последний способ защитить и спасти жизнь близких. Миграция – это не преступление, а акт любви и смелости. Мигранты и беженцы – настоящие герои. Любовь моих родителей ко мне и моему брату безгранична, и они присоединяются к миллионам героев-мигрантов и беженцев, которые идут на большие риски, чтобы их дети и семьи имели шанс на лучшую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.